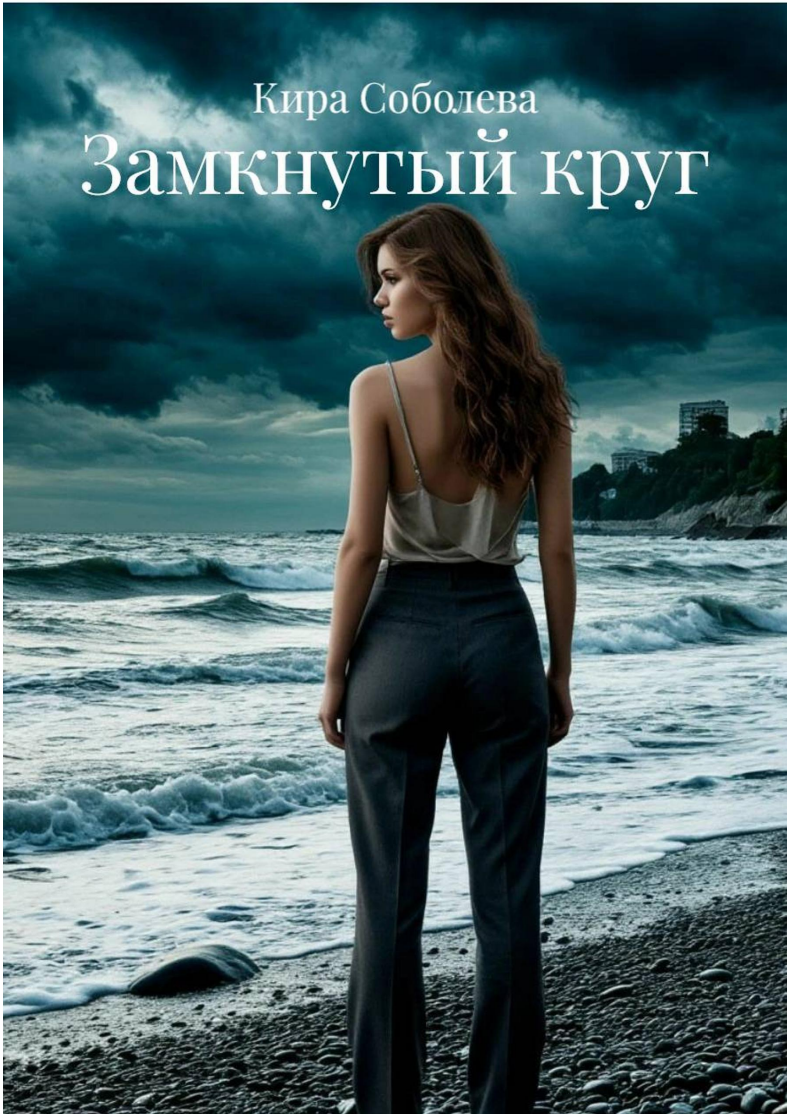
Кира Соболева
Замкнутый круг

Кира Соболева
Замкнутый круг

https://litres.ru/74926148
SelfPub; 2026

Аннотация

Тринадцать лет назад она чудом сбежала из подвала сочинского душителя. Память стёрла лицо палача, оставив лишь тонкий шрам от скальпеля на тонкой лопатке и горечь первой, разрушенной в одну ночь любви.

Теперь Ольга Кравцова - майор юстиции из Москвы. Когда в Сочи снова начинают находить тела девушек с тем же зловещим символом на коже, она возвращается в город своих кошмаров, чтобы возглавить следствие. Расследование сталкивает ее с Романом Москвиным - тем самым парнем, которого она так и не смогла забыть. Но когда на зеркале в её доме появляется короткое "Скоро", становится ясно: убийца уже здесь. И он вернулся чтобы замкнуть круг.

Замкнутый круг

Глава 1.

Москва, наши дни.

Москва задыхалась от июльского зноя, плавящего асфальт и превращающего вечерний воздух в густой, тягучий кисель. В кабинете на шестом этаже Главного следственного управления было на удивление тихо — лишь стрекот кулеров старого компьютера да едва слышный гул кондиционера, с которым, кажется, боролись не столько градусы, сколько само время. Свет офисной лампы выхватывал из полутьмы аккуратный, почти стерильный порядок на столе: ровные стопки бумаг, кружку с остывшим кофе, простой казенный ежедневник. Пахло клеем, бумагой и, как ни странно, сухой полынью — деревце в горшке на подоконнике тянулось к закатному солнцу, рассеивая горьковатый, успокаивающий аромат.

Майор юстиции Кравцова Ольга Сергеевна сидела неподвижно, опершись локтями о стол. Свет настольной лампы мягко скользил по ее длинным, густым волосам глубокого оттенка молочного шоколада – от природы непослушными и склонными завиваться крупными волнами от малейшей влажности, но сейчас идеально выпрямленными и туго стянутыми в высокий гладкий хвост. При росте всего сто пятьдесят восемь сантиметров она казалась почти невесомой: тонкие запястья, хрупкие чуть заостренные плечи, мягкий овал лица с высокими скулами и пухлыми, четко очерченны-

ми губами. Но в темных, миндалевидных глазах, обрамленных густыми ресницами, внимательно скользящих по монитору, не осталось ни капли юной наивности – в них жила холодная, выверенная годами службы сталь. Она механически пролистывала вечерние сводки — отчеты о столичных грабежах, угонах, пьяных драках, бытовых убийствах, где всё понятно, примитивно и трагично. Однообразие зла убаюкивало, превращая работу в рутину.

Пальцы, замершие над клавиатурой, дрогнули. Взгляд зацепился за сообщение, которое пришло по межведомственной линии из Краснодарского края. Протокол передачи. Сухие строчки. «…зафиксированы три трупа. Жертвы — девушки в возрасте семнадцати, восемнадцати и девятнадцати лет. Причина смерти: механическая асфиксия. Тела обнаружены у водоемов. Особая примета: на левой лопатке каждой жертвы острым предметом, предположительно хирургическим скальпелем, нанесен символ…»

Сердце пропустило удар. И еще один. Потом забилось где—то в горле, глухо и часто. Ольга смотрела на зернистую фотографию чужого отчета, но видела совсем другое. Соленый ветер, запах гальки, нагретой солнцем, и влажный, липкий ужас. Ей было семнадцать. Такое же лето. Тот же город. Беззаботный отдых у моря. Тринадцать лет. Тринадцать лет она убеждала себя, что он не вернется. Но сейчас, вглядываясь в строчки отчета, она поняла с леденящей ясностью — это он. Удушение. Вода. Ровный, почти каллиграфический надрез.

Тот же почерк. Тот же ритуал. Он не остановился. Он просто взял паузу.

Ночь прошла в бреду. Ольга не сомкнула глаз. Она ворочалась на кровати в своей московской квартире. Обрывки воспоминаний, как кинопленка, прокручивались перед глазами: солнце, слепящее глаза, визг чаек, хруст гравия и эта ненавистная, такая знакомая боль под лопаткой.

Наутро, мобилизовав всю свою выдержку, она оформила запрос. Присланная справка была скупа, но кристально ясна: почерк совпадал по ключевым пунктам с тем, старым, делом, которое вот уже почти полтора десятка лет пылилось в архиве со статусом «нераскрыто». Сомнений не осталось. Он вернулся. Или не уходил. Ольга долго сидела над бумагами, бездумно сдавливая пальцами виски. Она понимала, что, сделав следующий шаг, она перечеркнет спокойную жизнь, влезет в старую рану, заставит себя снова пройти сквозь тот кошмар. Но там, в Сочи, умирали девочки. Семнадцатилетние девочки, которые, как и она когда—то, верили, что лето — это вечность. Она не имела права оставаться в этом тихом кабинете.

Полковник Емельянов Андрей Семенович встретил её в своем кабинете с привычной хмуростью. Он был крупным, грузным мужчиной с седым ежиком волос и тяжелым взглядом, в котором, однако, при взгляде на Ольгу всегда проскальзывала теплота старого друга семьи. Он знал её с пеленок, был другом и бывшим коллегой её отца, который уже

пять лет как покинул высокий пост в Следственном Комитете и ушел преподавать в академию. Знал он и про её сочинскую историю — не всё, но достаточно.

— Ольга, — сказал он, не предлагая садиться, — я догадывался, что ты придешь. Даже сводку тебе не успели заблокировать.

— Андрей Семенович, — голос её звенел от напряжения, но звучал твердо, — направьте меня в Сочи. В состав группы. Я должна быть там.

— Исключено, — отрезал Емельянов, с грохотом опуская кружку на стол. — Это не твое дело. Ты — жертва. Тут эмоции… Это мешает работе. Ты можешь наломать дров, ты можешь погибнуть, в конце концов. Что я твоему отцу скажу?

— Вы скажете ему, что его дочь сделала свою работу, — перебила она, шагнув к столу. — Вы отправите туда молодого следователя, который прочитает старую папку, и что? Начнет всё сначала? Через тринадцать лет у нас нет времени начинать сначала. Я прошу вас не как дочка вашего друга. Я прошу как следователь по особо важным делам. Это мой долг. И это моя… единственная возможность жить дальше.

Емельянов долго молчал. Он смотрел на неё, видел её сжатые кулаки, побледневшее, но решительное лицо, и понимал: эту женщину не переубедить. И, возможно, это действительно её шанс закрыть наконец этот гештальт, как стало сейчас модно говорить. Он тяжело вздохнул, провел ладонью по лицу, словно снимая усталость.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но слушай меня внимательно. Я не могу просто спихнуть тебя туда рядовым членом группы – ты уже птица не того полета. Это вызовет вопросы. Любопытство. Слухи. А нам это ни к чему. Я назначу тебя руководителем следственно—оперативной группы. Формально ты — старший офицер из Москвы с особым поручением. Я договорюсь, ты представлена будешь как «куратор из центра». Сама группа уже сформирована, так что договариваться с майором, которого ты подвинешь, тебе придется самой, на месте.

— Я справлюсь, — ответила она, глядя ему прямо в глаза. – Спасибо, Андрей Семенович.

— Я знаю. Потому и разрешаю. Но если я увижу хоть малейший прокол, если ты перестанешь соображать и начнешь чувствовать — я выдерну тебя оттуда лично. Как щенка за шкирку. Ты меня поняла?

Ольга молча кивнула. В душе поднималась глухая, свинцовая тяжесть. Она знала: самое страшное только начинается. И что охотиться придется не только за маньяком, но и за правом быть услышанной среди тех, кто видит в ней лишь помеху. Она сжала спинку стула так, что побелели костяшки пальцев, и медленно выдохнула. Москва оставалась за спиной. Впереди было море, которое помнило её страх. И хищник, который вышел на новую охоту. Кое—что еще осталось у неё в этом солнечном городе в далеком 2013, и отчего—то с этим ей было столкнуться гораздо страшнее, чем с серий-

ным убийцей.

Сочи, 2013 год.

Воздух в аэропорту Адлера был густым, сладким и влажным, он обволакивал, как сироп. Семнадцатилетняя Ольга сделала первый глоток юга. Аэропорт гудел как растревоженный улей, люди деловито сновали туда—сюда. Её встречала подруга Рита — взмах руки, знакомый смех, пахнущий солнцем и дешевыми духами.

— Олька, ну наконец—то! – воскликнула она, распахивая свои объятия и целуя Ольгу в щеку, тут же, не теряя времени подхватила её сумку и побежала к выходу из аэропорта, так ловко лавируя между потоками людей, что Оля едва поспевала за ней.

Они ехали в такси, и Ольга, прижавшись лбом к горячему стеклу, ловила мелькавшие пальмы, выцветшие от зноя фасады, пеструю, шумную жизнь улиц. Она приехала на каникулы, последние по—настоящему свободные, между школой и академией следственного комитета в далекой Москве.

Уже через час, отмывшись от дорожной пыли, она позволила завести себя в бар. Название его стерлось из памяти. Бар был полутемным, гулким, с приглушенным грохотом какого—то старого рока.

— Это все наши! — весело кричала Рита, и Ольга кивала, улыбаясь напряженной, чужой улыбкой, глядя на незнакомых молодых людей за столиком.

— Это Димка, — Ритка взмахнула рукой, так что стояв-

ший на краю стола стакан с какой—то зеленой жидкостью едва не опрокинулся, в сторону рыжеволосого веснушчатого парня с мягкими чертами лица. Сидящий рядом с ним светловолосый загорелый парень был представлен Ритой, как Слава. Рядом с ним, держа его за руку сидела его девушка – Олеся. На другой стороне стола сидели Максим и Саша. Ребята дружно поприветствовали её. Ольга с любопытством оглядывала пространство вокруг, когда её взгляд зацепился за парня за стойкой. Он вытирал бокал тряпкой, движения были ленивые, точные. Брюнет, в простой черной футболке, его темные волосы падали на лоб и он забавно сдувал их. Он поднял глаза – они были цвета морской волны, неспокойной, где—то в глубине. Взгляд скользнул по Рите, привычно, и зацепился за Ольгу.

Девчонка была удивительно хороша — миниатюрна, тоненькая, в простом белом льняном сарафане, который подчеркивал её хрупкую фигуру. Ни грамма косметики — ни блеска помады, ни тени на веках, только чистая, словно вымытая родниковой водой, кожа, чуть тронутая загаром, изящно изогнутые темные брови и большие карие глаза с теплым янтарным отливом на свету. Волосы — длинные, прямые, цвета темного шоколада — падали на спину тяжёлым занавесом. Когда она смущенно улыбнулась, на её щеках появились едва заметные милые ямочки, от которых у Романа перехватило дыхание. Заметив, что он тоже смотрит на нее, девчонка смущенно отвела взгляд. Он так и застыл с

бокалом в руках, когда напарник ткнул его в бок, проследив за его взглядом, прокомментировав:

— Красотка, не местная походу. Хватит пялиться, а то подумает, что ты маньяк.

А Рита, раскрасневшаяся, уже тянула ее к стойке.

— Пойдем, познакомлю с еще одним членом нашей компании, он сегодня на смене, — радостно ворковала она.

— Ром, это Оля, моя подруга из Москвы! Оля, это Рома, наш местный бог барного дела.

Он отложил бокал, кивнул. Улыбка тронула только уголки губ.

— Москва. Далековато занесло. — Голос был низкий, немного хрипловатый.

— Каникулы, — ответила Ольга, и голос прозвучал тише, чем она хотела.

— Удачные, надеюсь, — сказал он, и его глаза уже изучали ее, не спеша, как будто читая строку за строкой.

— Еще не решила, — она совершенно по—кошачьи сощурила темные, почти черные глаза в обрамлении длинных густых ресниц.

Рита что—то болтала, пытаясь вернуть его внимание, но он налил две порции чего—то ярко—синего, одну поставил перед Ольгой.

— За знакомство. И за каникулы.

— Я не очень…

— Это просто сок со льдом, — он усмехнулся. — С виду грозно.

Позже, когда компания разбрелась по танцполу, он вышел из—за стойки и подсел к ней. Говорили о пустяках, но каждый звук, каждое слово казалось важным. Рита наблюдала за ними с танцпола, и её улыбка постепенно застывала, становясь маской. Пришло время уходить, она и так задержалась, обещала отцу что свой первый самостоятельный отпуск будет вести себя хорошо, а он в свою очередь попросил приглядывать за ней соседку – тетю Женю, которая точно доложит отцу, что его дочь в первый же день отдыха пришла домой под утро. Да и усталость после перелета давала о себе знать. Когда вся компания вновь собралась за столом, Оля встала.

— Ладно ребят, мне уже пора…

— Я провожу, — поднялся следом Роман, опередив Диму, который по всей видимости собирался предложить тоже самое. Он не спрашивал, а просто поставил всех присутствующих перед фактом. Они вышли вместе, в теплоту южной ночи, с наслаждением вдыхая соленый морской воздух, который казался упоительным после сигаретного смога бара. Вечерняя набережная распахнулась перед ними — широкая, освещенная фонарями с матовыми шарами, полная гуляющих, смеха, запаха шашлыка и сладкой ваты. Где—то играла музыка, ветер доносил обрывки мелодий. Море дышало глубоко и ровно, как спящий зверь, черная вода сливалась с

небом, и только редкие огни кораблей обозначали горизонт. Пальмы стояли вдоль аллеи, их листья шелестели, точно перешептывались о чем—то, чего не знали люди.

— Ты впервые здесь?

— Нет, здесь жила моя бабушка, когда—то мы каждое лето ездили сюда с родителями, но, последний раз я была здесь лет пять назад, когда она умерла. Остался дом, который папа сдает в аренду отдыхающим через соседку. Ну а ты, местный? – спросила она в ответ.

— Почти, родители переехали сюда, когда мне было семь, в школу пошел уже здесь, учился в одной школе с Риткой, но на три года старше. Сейчас учусь на юридическом в местном универе. Бар это просто хобби и подработка в сезон.

Они свернули с основной набережной. Шум постепенно стихал, люди редели, фонари становились реже, и тени удлинялись. Аллея, ведущая к бабушкиному дому, была старой, вымощенной плиткой, которая местами треснула, и сквозь щели пробивалась трава. По обе стороны росли старые платаны — их корни вздыбили землю, и дорога пошла волнами. Воздух здесь был другим — не таким соленым, более густым и пряным от цветущего жасмина, который лез из палисадников. Где—то вдалеке лаяла собака, и лай этот разносился эхом, многократно отраженный от стен. Он украдкой разглядывал её профиль рядом, слушал тихий голос и смех и понимал, что он пропал – вот так, с первой встречи. Что—то было в ней такое, что заставляло его сердце биться чаще,

жадно ловить каждое её движение, никогда раньше ни к одной девушке, он не испытывал ничего подобного, а их у него, чего уж греха таить, было немало. Ольга остановилась у кованых ворот небольшого одноэтажного дома, скрывавшегося в глубине цветущего ухоженного садика. Они просто стояли перед воротами и смотрели друг на друга, не зная, что сказать на прощание.

— Ладно, мне нужно идти, — неловко сказала Оля. Рома кивнул в ответ:

— Я позвоню завтра.

Этой ночью он впервые приснился ей, и больше так и не ушел из её снов.

Рома, 2013 год.

Дорога обратно до бара не заняла много времени. Возле входа курила подвыпившая Рита.

— Что, понравилась? – чуть заплетающимся языком спросила девушка, едва увидев его.

— Рит, прекрати. И похоже, тебе уже хватит, — отметил он, глядя на то, как она пошатываясь подходит к нему. Из —за высоких каблуков она была практически одного роста с ним.

— Ну скажи, неужели тебе было плохо со мной? – она подошла очень близко и обвила его шею руками.

— Я тебе уже говорил – то что случилось было случайностью, пьяным сексом если тебе так удобнее, но не более. Продолжения не будет и быть не может, — он скинул её руки

и развернулся по направлению к стоянке.

— Ну и дурак. Она отгуляет каникулы и улетит в свою Москву, — крикнула ему в вдогонку Рита.

Глава 2.

Сочи, наши дни.

Самолет коснулся посадочной полосы с мягким шипением, вырывая её из водоворота непрошенных воспоминаний. Город встретил ее влажным, густым воздухом, пахнущим кипарисом и солью, таким знакомым и чужим одновременно. Она прилетела на сутки раньше — не по протоколу, а по внутреннему, необъяснимому велению. Нужно было ступить на эту землю одной, без погон и служебного удостоверения, заставить себя собраться и привести мысли в порядок.

Уже выходя из аэропорта, она вызвала такси через приложение, отмахиваясь от настойчивых бомбил. Отцовский дом, в котором она так часто раньше проводила летние каникулы, и в котором не была вот уже тринадцать лет, встретил её свежестью и кондиционированной прохладой. Ей повезло, что сейчас он оказался свободен, потому что служебное жилье было у черта на куличках и оставляло желать лучшего, а дом находился в двух шагах от курортного проспекта, по которому можно было за пол часа доехать до центра города, где и располагался следственный отдел. Она закинула вещи в комнату, переоделась с дороги, накинув легкий сарафан, захватила сумку и вышла в темноту ароматного южного вечера, не в силах усидеть на месте.

На набережной было людно, но шум прибоя заглушал смех и музыку из кафе. Ольга шла, не замечая ярких огней, вглядываясь в темную пульсирующую массу моря, которое нашептывало шорохом волн похороненные под пеплом времени воспоминания, бередя старые раны. Здесь, на этой набережной, он впервые поцеловал ее. Ромка. Ей было семнадцать, и мир казался вырезанным из перламутра. Она помнила его зеленые, как морская волна на солнце, глаза. Его обещания, которые пахли морем и свободой. Их первую, отчаянную юношескую любовь, закончившуюся в одну ночь. Его предательство. А потом — резкая боль в виске, запах химии, темнота, такая жуткая, но внезапно оказавшаяся её спасением. Она выжила чудом, царапая в кровь руки о ржавую арматуру. Он — тот, другой — не нашел ее в темноте. Она убежала, оставив в том подвале часть души и веру в людей. А еще воспоминания – Ольга помнила лишь ощущения, на уровне чувств, помнила свой страх, помнила холод скальпеля на своей лопатке, и боль. Она спустилась к морю и выдохнула, прогоняя липкий страх, поползший по позвоночнику, напоминая себе, что ей уже не семнадцать, она опытный следователь, побывавший во многих передрягах, и даже пистолет ей выдали, по настойчивой просьбе Андрея Семеновича. Пистолет мешал и оттягивал небольшую сумку, как будто весил не меньше кирпича, и зачем она только потащила его с собой? Что ни говори, а к оружию она не привыкла, хоть и стреляла почти безупречно – регулярные тренировки,

на которых настоял отец, делали свое дело. Ольга на секунду прикрыла глаза, беря себя в руки. Нужно было возвращаться, завтра предстоял трудный день, да и не только завтрашний. Она не знала, что ждет её здесь – очередной кошмар? Или отголоски старого? Но она не сомневалась, что сделала единственный правильный выбор, приехав сюда. Знакомый психиатр Игорь говорил, что ей нужно отпустить прошлое, закрыть этот гештальт и перевернуть страницу, чтобы жить дальше полноценной жизнью. Что ж, она попытается.

Следственный отдел по Центральному району располагался в здании, которое, казалось, помнило другую эпоху — тяжёлую, монументальную, сталинскую. Дом № 10 по улице, утопающей в тени платанов, высился серой громадой, словно крепость, возведённая на доверии к силе закона. Его фасад был украшен лепниной: массивные гирлянды из каменных листьев и строгие, чуть вытянутые окна с наличниками, которые должны были внушать почтение, но сейчас, под палящим солнцем, казались декорациями к старой, забытой трагедии. Высокие потолки внутри гуляли эхом, ступени из мраморной крошки были истёрты до блеска ногами бесчисленных просителей и преступников. Тяжёлые двери из дуба, когда Ольга толкнула их, издали протяжный, надсадный скрип, словно здание жаловалось на непрошенную гостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.